

И генерал, и рядовой...

Трагедия царского генерала Леонида Болховитинова, которого судьба бросала то к красным, то к белым

Среди десятков тысяч наших соотечественников, сто лет назад навсегда покинувших Родину, затерялось имя генерал-лейтенанта Леонида Митрофановича Болховитинова (1871–1925). Его метания в революционную эпоху закончились самоубийством в эмиграции.

Ученый и воин

Боевой офицер, участник трех войн, кавалер «Золотого оружия» за храбрость и даже солдатского Георгиевского креста 4-й степени с серебряной лавровой ветвью для офицеров. Помимо личной смелости генерал отличался высокой образованностью — он окончил академию Генерального штаба и некоторое время преподавал в ней, имел склонность к военной науке. Перу Болховитинова принадлежат труды о Русско-японской войне и освоении Россией Дальнего Востока. В Первую мировую генерал служил на Кавказском фронте, будучи начальником штаба Кавказской армии и главным начальником Кавказского военного округа. Его служебная нагрузка была колоссальной.

Товарищи по службе не скупались на восторженные отзывы. Генерал В.В. Чернавин свидетельствовал, что Болховитинов «был очень талантливым офицером Генерального штаба, имел большой штабной и военно-административный опыт, обладал способностями организатора крупного масштаба. В мировую войну он по заслугам сделал блестящую карьеру, достигнув, имея всего 45 лет от роду, высокого и ответственного поста начальника штаба Кавказского фронта»¹.

Речи на бочке

Однако после Февральской революции в Болховитинове что-то переменилось. Генерал Е.В. Масловский вспоминал, что «умный, талантливый генерал Болховитинов оказался в числе тех многочисленных малодушных, кои начали подыгрывать к революционным массам, стараясь подчеркнуть свое присоединение к новому порядку. В первые же дни революции, во время организованной революционными представителями громадной процессии с красными флагами и разными плакатами, а затем митинга, кажется, на Дигомском поле² (во всяком случае, где-то за городом), генерал Болховитинов... нацепил себе на грудь красный бант, присоединил-

1

° 1

Л.М. Болховитинов в годы Первой мировой войны.

ся к голове процессии и, не ограничившись этим, выступил на митинге в числе ораторов с хвалебной речью революции»³. В войсках ходили рассказы о том, как генерал произносил революционные речи, стоя на пустой бочке⁴.

Заигрывания с солдатскими массами не помогли, и вскоре Болховитинова арестовали. Более того, Особый Закавказский комитет по требованию тифлисского исполкома советов постановил отстранить Болховитинова от занимаемых должностей⁵. Лишь вмешательство главнокомандующего Кавказским фронтом генерала

Н.Н. Юденича позволило Болховитинову освободиться из-под ареста, но условием освобождения стал отъезд с Кавказа.

В письме супруге от 17 июля 1917 г. Болховитинов, попавший на Западный фронт, сетовал: «Не жизнь, а агония! Разгром армии, отсутствие правительства и власти, развал железных дорог»⁶. 25 июля генерал отметил: «Положение становится каким-то кошмарным... вместо пехоты мы имеем дезорганизованную, распущенную толпу, к серьезному бою не способную... Мы переживаем ни с чем не сравнимую трагедию. Слишком тяжелый крест выпал на нашу долю и безмерно испытание наше!»⁷

Судя по всему, Болховитинов счел попытку генерала Л.Г. Корнилова спасти страну летом 1917 г. авантюрой. В письме от 15 сентября он подвел итог переживаемому моменту: «Корнилов своим выступлением бесконечно затруднил и без того бесконечно тяжелое положение.

2

Только было начали заполнять пропасть между солдатами и командным составом, теперь вновь наблюдаем «углубление» еще горшее недоверия и неприязни. Затем, идет «чистка» состава, по мотивам, малопонятным⁸. Видимо, Болховитинов до последнего питал надежду на сотрудничество командного состава с армейскими комитетами.

Красный генерал

После прихода к власти большевиков Болховитинов одним из первых генералов поступил на службу в Красную армию и весной 1918 г. занял пост помощника военного руководителя Высшего военного совета у своего товарища по учебе в академии бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича. Болховитинову поручили проведение реформы местных военных комиссариатов⁹. Итогом стало создание сети советских военных округов, что предопределило возникновение многомиллионной Красной армии.

Однако из дневников дальнего родственника Болховитинова генерала А.Е. Снесарева известно, что наш герой был совсем не в восторге от нового режима. Снесарев обратил внимание на противоречивость поведения генерала, который перед большевиками заискивал, что вызвало неприятие, а в разговорах со Снесаревым высказывался совсем иначе¹⁰.

Эти наблюдения соответствуют свидетельству протоиерея Г. Шавельского, который встретил Болховитинова летом 1918 г. в Москве. Последний при встрече заявил: «Ради Бога, не думайте, что я с этими негодяями! Если Бог поможет мне сформировать хотя бы два настоящих корпуса, столбов не хватит для виселиц, чтобы перевешать этих разбойников»¹¹. Неудивитель-

° 2

Встреча Пасхи в Кубанском Алексеевском училище. Болховитинов в центре.

° 3, 4

Труды Л.М. Болховитинова.

3

4

но, что Болховитинов освободился от службы у красных по болезни и уехал к семье в Екатеринодар, который вскоре захватили белые.

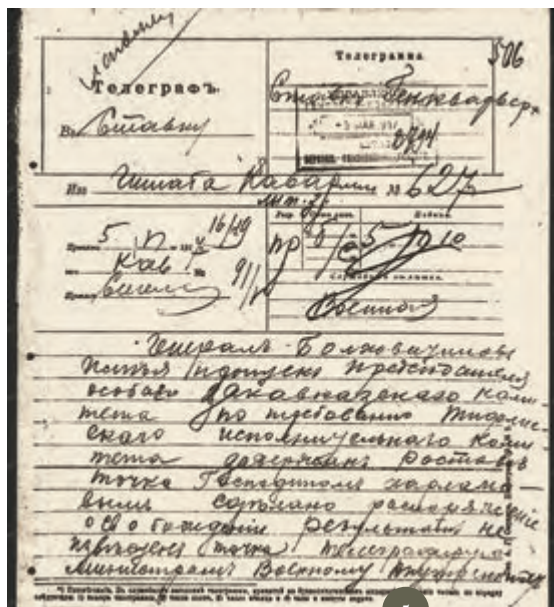
Белый телефонист

Казалось бы, генерал оказался у своих. Но белое командование расценило его службу красным как серьезное преступление. В августе 1918 г. белые арестовали Болховитинова и судили его. Обошлось разжалованием в рядовые, хотя «горячие головы» настаивали на расстреле. Около года Болховитинов прослужил в Самурском полку, а 1 (14) января 1919 г. «за отлично-усердную службу и отменно-примерное поведение» его произвели в старшие унтер-офицеры, над чем сам генерал весьма иронизировал¹².

Болховитинову повезло — он попал в подчинение к своему же ученику по академии, поэтому относились к разжалованному уважительно. Генерал В.А. Замбрицкий вспоминал: «Целый год безропотно выходил Болховитинов в стрелках, но тут начальство не стерпело: его взял в штаб, в команду телефонистов, начальник штаба дивизии, полковник [Я.А.] Яковлев, его бывший ученик по академии... Яковлев на людях не делал никакой разницы в обхождении между Болховитиновым и прочими солдатами... Но когда подходило время к полудню, бывало Яковлев крикнет на весь штаб: «Позвать ко мне стрелка Болховитинова!»

Болховитинов, огромный, в длинной, несуразной солдатской шинели, перепоясанный ремнем, является и почтительно вытягивается в струнку у притолки, как и полагается, «великательному» солдату.

— Здорово, — отрывисто и коротко бросает ему Яковлев, в то время, как взоры всех

5

6

нижних чинов с любопытством и сочувствием устремляются на необычного солдата. Им это в диковинку, хотя и повторяется каждый день. Но таково уж свойство разжалованного привлечь общее внимание...

— Здравия желаю, господин полковник! — рявкнет в ответ зычно, по-солдатски бывший генерал.

— Раздеться и запереть дверь! — командует Яковлев. — Составить мне отчет о Ставропольской операции.

И когда исполнительный стрелок, заперев дверь на ключ, остается один на один в кабинете с[о] строгим начальником штаба, тот вскакивает, почтительно подставляет своему бывшему профессору стул и пододвигает заранее приготовленный завтрак.

— Пожалуйте, Ваше Превосходительство, откусать...

И здесь уже шла беседа по душам...¹³

Генерал Б.А. Штейфон вспоминал о встрече с Болховитиновым в 1919 г.: «Однажды я пообещал командиру Самурского полка выдать имевшееся в моем распоряжении телефонное имущество. Командир обещал прислать приемщика. Вечером мне доложили, что меня желает видеть какой-то солдат. Раскрылась дверь, и с вопросом «можно войти?» на пороге обрисовалась представительная фигура в солдатской шинели с унтер-офицерскими нашивками.

В вошедшем унтер-офицере я немедленно признал бывшего генерал-лейтенанта Л.М. Болховитинова. Он был во время Великой войны начальником штаба Кавказского фронта и для меня, тогда капитана Генерального штаба, являлся чрезвычайно высоким начальством. Он знал меня прекрасно, так как я служил в штабе армии. Направляясь ко мне, «унтер-офицер Болховитинов», конечно, был осведомлен, кого он встретит, но для меня его появление было жутким.

° 5

Телеграмма генерала Н.Н. Юденича из штаба Кавказской армии в Ставку с сообщением об аресте Болховитинова в мае 1917 г. РГВИА. Публикуется впервые.

° 6

Л.М. Болховитинов (сидит крайний справа) с генералом Н.Н. Юденичем (сидит второй слева), великим князем Николаем Николаевичем (сидит в центре) и чинами штаба Кавказской армии.

° 7

Сын Болховитинова Юрий на острове Лемнос.

7

— Узнаете?

— Еще бы не узнать! Здравствуйтесь, Леонид Митрофанович...

Мы душевно поговорили около двух часов. Л[еонид] М[итрофанович] заходил ко мне еще несколько раз. Впоследствии он был прощен, и затем, в Крыму, я встретил его прежним энергичным генералом... у меня сохранилось о нем воспоминание как о крупном, незаурядном человеке. Свое разжалование он переносил с большим достоинством¹⁴.

По свидетельству Штейфона, служба Болховитинова «у большевиков была, конечно, той трагической случайностью, какая в те годы определяла принадлежность многих тысяч прекрасных офицеров к Красной армии, хотя в душе они и ненавидели большевиков»¹⁵.

Болховитинов быстро разочаровался в белых. 16 (29) декабря 1918 г. он писал супруге, что вокруг сплошное ворье, «просто какая-то кочевая банда... И это новая армия?! Подумай только!!!»¹⁶ Все это напоминало генералу даже приверженцев советского лозунга «грабь

награбленное»¹⁷. Возмущало генерала и возвращение прежних помещиков¹⁸. Затягивание Гражданской войны он считал губельным для страны, грозящим народу взаимным истреблением, а на союзников белых по Антанте возлагал ответственность за то, что они не прекращали братоубийство¹⁹. Возможно, побывав и у красных, и у белых, генерал стал лучше понимать суть происходившей трагедии.

Советский агент?

Наконец, 22 июля (4 августа) 1919 г. белые Болховитинова реабилитировали, вернув ему «за проявленные в боях мужество, доблесть и распорядительность» чин генерал-лейтенанта²⁰. В январе 1920 г. он даже стал председателем комиссии по оказанию помощи лицам, пострадавшим от большевиков. Затем занял пост управляющего военным ведомством Кубанского правительства и делал все возможное для сохранения Кубанской армии белых. Позднее служил инспектором классов Кубанского Алексеевско-го военного училища.

В 1922 г. в Краснодаре было опубликовано свидетельство начальника Северо-Кавказского военно-революционного штаба В.Ф. Черного о том, что Болховитинов в начале 1920 г. якобы тайно сотрудничал с красными подпольщиками, «все наши поручения... выполнял точно и безоговорочно», по совету подпольщиков согласился занять пост военного министра Кубанского краевого правительства, задерживал посылку войск, менял направления движения отрядов, причем подпольщики якобы были удивлены его решением эвакуироваться с белыми²¹. Конечно, такое свидетельство могло быть намеренной провокацией. Но нельзя исключать и того, что генерал вел двойную игру, возобновив работу на красных. Генерал А.И. Деникин был склонен верить обвинениям и отмечал, что Болховитинов пошел к большевикам добровольно, а среди его бумаг найдены записи, в которых одобрительно говорилось о коммунизме²².

Последний выстрел

Какими бы ни были взгляды генерала, он уехал из России вместе с белыми в ноябре 1920-го на греческий остров Лемнос. С генералом эмигрировал сын Юрий, а двойняшки Борис и Наталия остались в России. Вскоре Болховитинов переехал в Болгарию в село Тырново-Сеймен, где оставался инспектором классов Алексеевского училища.

Утрата жизненных ориентиров надломил генерала. Ученик Болховитинова по академии генерал В.А. Замбрицкий вспоминал об их встрече в 1920 г.: «Боже! Кто бы узнал в этом сог-

бенном, пожилом генерале, изборожденном морщинами, удрученном несчастиями, но все еще громадном и представительном, прежнего жизнерадостного, сиявшего счастьем полковника Болховитинова! Это был совсем другой человек! Да как и не стать иным, когда его жизненная амплитуда качалась от генерала к рядовому и обратно»²³.

15 сентября 1921 г. генерал написал протопресвитеру Г. Шавельскому полное разочарования письмо: «С эвакуацией из Севастополя все рассыпалось, и началась новая стройка с новыми грубейшими ошибками, новыми демагогами, новыми «карьеристами»... Строить мы еще не научились, а разводить раздоры весьма горазды... Наше поколение свою песню спело»²⁴.

11 июня 1925 г. 54-летний генерал покончил с собой. Быть может, причиной стала злополучная статья о сотрудничестве с красными, получившая известность в эмигрантских кругах. Но, как считал генерал В.В. Чернавин, подлинным мотивом послужила «тяжелая душевная депрессия, явившаяся, по свидетельству лиц, близко с Болховитиновым в это время соприкасавшихся, следствием потери веры в возрождение России, невозможности применить продуктивно свои знания и опыт, а также большое личное горе — потеря им своей семьи, жены и детей, которых он, оставляя Кубань, не успел эвакуировать»²⁵. В предсмертном письме Болховитинов написал: «Я не могу перенести потери Родины, семьи... Бессилие помочь семье заставляет меня решиться на этот шаг»²⁶.

Революционные потрясения вывели генерала из привычной ему обстановки. Он разрывался между семьей, инстинктом самосохранения и попытками удержаться на плаву, когда страну штормило. Потеряв семью и Родину, генерал так и не стал своим ни для красных, ни для белых, предпочтя самоубийство дальнейшим душевным мукам.

8, 9

Та самая статья с компрометирующими Болховитинова материалами и ее автор В.Ф. Черный.

- 1 ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 110.
- 2 Местность в окрестностях Тифлиса (ныне — в городской черте Тбилиси).
- 3 Бахметевский архив Колумбийского университета. E.V. Maslovskii Papers. Box 2. Масловский Е.В. Некоторые страницы моей жизни. С. 1139-1140.
- 4 ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 329. Л. 32об.
- 5 РГВА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1015. Л. 503.
- 6 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 88.
- 7 Там же. Л. 94-94об.
- 8 Там же. Л. 145.
- 9 РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 105.
- 10 Снесарев А.Е. Москва — Царицын // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.
- 11 ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 309. Л. 1об.
- 12 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 237об.
- 13 ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.
- 14 Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 11-12.
- 15 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 204.
- 16 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 220об.
- 17 Там же. Л. 243.
- 18 Там же. Л. 274об.
- 19 Там же. Л. 251, 253об.
- 20 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 134. Л. 66.
- 21 Черный Вл. В подполье // Путь коммунизма (Краснодар). 1922. Кн. 3. С. 137. Также см.: Деникин А. Борьба и провокация // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 105. С. 3-4.
- 22 Деникин А. Ответ ТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 9.
- 23 ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 79.
- 24 ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 146.
- 25 Там же. Л. 116.
- 26 Там же.